

УДК 811.161.1'373.7: 821.161.1

СПЕЦИФИКА ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ
СВОЙСТВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О. Г. Яблонская,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и МПИЯ МГПУ им. И. П. Шамякина

Поступила в редакцию 05.07.19.

UDC 811.161.1'373.7: 821.161.1

TEXT-FORMING FEATURES OF
PHRASEOLOGICAL UNITS
IN A LITERARY TEXT

O. Yablonskaya,
PhD in Philology, Associate Professor of
the Department of Foreign Languages,
MSPU named after I. P. Shamyakin

Received on 05.07.19.

В статье исследуются текстообразующие свойства фразеологических единиц на материале произведений русского автора В. О. Пелевина. Анализируются функции фразеологизмов, особенности их контекстной семантики и текстообразующий потенциал, который раскрывается на основе синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей данных единиц с другими элементами текста. Раскрывается процесс текстообразования на идейном уровне за счет актуализации эмоционально-экспрессивного, характеризующего и других компонентов значения фразеологизма. Устанавливается прагматический характер исследуемых единиц и их способность создавать эмоциональный фон произведения. Делаются выводы о том, что текстовые функции фразеологизмов коррелируют с фразеологическим пространством, в результате чего фразеологизм оказывает влияние на значимость фрагментов или целого текста; все фразеологические единицы обладают текстообразующим потенциалом, реализуемым в художественном тексте в большей или меньшей степени.

Ключевые слова: фразеологические единицы, функции, текстообразующие свойства, контекст, фразеологическое пространство.

Text-forming features of phraseological units are analyzed in the works by the Russian author V. Pelevin. The functions of phraseological units and features of their contextual semantics are defined. Text-forming potential is revealed through syntagmatic, paradigmatic and associative links of these units with other elements of the text. The process of text formation at the ideological level is revealed on the bases of emotional, expressive, characterizing and other components of the meaning of a phraseological unit. The pragmatic nature of these units and their ability to create the emotional background of the work are stated. It is concluded that the textual functions of phraseological units correlate with the phraseological field, as a result of which the phraseological unit influences the significance of the fragments or of the whole text; all phraseological units have text-forming potential that is realized in a literary text to a greater or lesser extent.

Keywords: phraseological units, functions, text-forming features, context, phraseological field.

В настоящее время текст рассматривается как многогранное понятие, что отражается в разных подходах к его исследованию. Текст активно изучается с точки зрения прагматики и синтагматики (А. Г. Баранов, О. И. Москальская, З. Я. Тураева и др.); в аспекте текстообразования (М. Я. Дымарский, Е. С. Кубрякова, А. А. Чувакин и др.); выявляются важнейшие признаки и категории текста (И. Р. Гальперин, В. А. Лукин, А. А. Чувакин и др.), структура текста и единицы, его составляющие (Г. Д. Ахметова, Н. С. Валгина, В. А. Лукин, З. Я. Тураева и др.); анализируется функциональный аспект текста (М. Н. Кожина, Ю. М. Лотман и др.).

Целью данной работы является выявление и анализ текстообразующих свойств фразеологических единиц (ФЕ) в художественных текстах.

В связи с поставленной целью наиболее уместным является следующее комплексное определение понятия «текст», разработанное В. П. Рудневым: «Текст – это системное единство, проявляющее себя посредством повторяющихся мотивов, выявляемых с помощью метода свободных ассоциаций, обнаруживающих скрытые глубинные мифологические значения, определяемые контекстом, с которым текст вступает в сложные взаимоотношения, носящие характер межмировых отношений между языком текста и языком реальности, строящихся как диалог текста с читателем и исследователем» [1, с. 16].

Художественный текст дает возможность ФЕ проявить свой смысловой и структурно-грамматический потенциал. Именно в художественном произведении образно-материальный мир, задуманный автором, приобретает определенную эстетическую и идейно

формирующую значимость для читателя. При создании художественной действительности ФЕ могут быть характеризующим или интенсифицирующим компонентом небольшого фрагмента текста (предложения или сверхфразового единства) или быть значимыми компонентами для идеи всего произведения, участвующими в создании фразеологического пространства текста. Анализ употребления ФЕ в текстах разных стилей и жанров дает возможность выявить или уточнить особенности процесса текстообразования на базе данных единиц.

Чтобы рассмотреть текстообразующий потенциал ФЕ, необходимо остановиться на понятии *фразеологическое пространство* текста, под которым понимается идейная связь ФЕ с предшествующими или последующими смысловыми фрагментами, в результате чего фразеологизм оказывает влияние на значимость этих фрагментов или целого текста.

Языковым материалом исследования являются фразеологические единицы всех структурно-семантических групп, выявленные в произведениях В. О. Пелевина «Затворник и Шестипалый» «День бульдозериста», «Принц госплана» и некоторых других. Автор известен читателю нестандартным подходом к изложению своего видения мира. А. Генис отмечает языковое мастерство В. О. Пелевина: «Язык тут функционален до полной прозрачности – мы его не замечаем, пока он выполняет свою роль, перевоза нас от одной страницы к другой. Не обращать внимания можно только на правильный язык. Каждое лишнее или “приблизительное” слово... не находит адресата» [2].

Значимость фразеологизмов в аспекте текстообразования взаимосвязана с выполняемыми ими функциями. Данный вопрос неоднократно рассматривался учеными (А. В. Кунин, Ю. А. Гвоздарев, С. Г. Гаврин, В. Н. Тепля, И. И. Чернышева и другие), однако до сих пор не выработан единый подход к их классификации. Вслед за большинством исследователей мы выделяем две группы функций: языковые, обусловленные самим языком, и речевые, проявляющиеся в условиях коммуникации.

В следующих примерах употребления фразеологизмов в повести «Затворник и Шестипалый» рассмотрены функции, реализуемые ими в текстовом пространстве.

«Главное, – шепотом повторял Затворник последнюю инструкцию, – веди себя нагло. Но не слишком нагло. Мы непременно

должны их разозлить – но не до такой степени, чтоб нас разорвали в клочья. Короче, все время смотри, что буду делать я».

В (на) клочья – Разг. Экспрес. На мелкие части, на отдельные куски (разорвать, разнести кого-либо) [3, с. 298]. Данное контекстное употребление фразеологизма полностью соответствует словарному толкованию и реализуется в следующих функциях: коммуникативная (сообщение новой информации о возможном развитии событий), прагматическая (стремление повлиять на собеседника, предостеречь), оценочная, которая тесно связана с гиперболизирующей (выражение степени негативности вероятных последствий), образная (наглядное представление возможного состояния), эмоционально-экспрессивная (способ вербализации настороженно-сосредоточенного эмоционального состояния героя), функция лаконизации речи (использование словосочетания вместо описания ситуации с помощью большего количества лексических средств) [4, с. 94].

В приведенном примере фразеологизм тесно связан с предшествующими лексическими единицами (*«но не до такой степени, чтоб нас разорвали в клочья»*), в единстве с которыми и реализуются названные функции. Информация, содержащаяся в анализируемом фрагменте, является существенной только для этого момента повествования. Все сказанное позволяет сделать вывод, что данная ФЕ находится в слабой позиции, ее фразеологический диапазон (пространство) сводится к одной фразе, текстообразующая функция проявляется только структурно-семантически (наравне с другими лексическими единицами) на фрагментарном уровне.

Однако в следующем примере фразеологизм является семантически значимым для всего произведения.

«Как тебе сказать. Потому что, кроме этого, я знаю еще много других вещей, и одна из них вот такая – если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему, вместо того чтобы рассуждать, имеет смысл это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла. Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае. Понимаешь, в чем разница?»

Основой контекстного фразеологизма в приведенном фрагменте является выражение *луч света в темном царстве* – иносказательно: отрадное, светлое явление

(добрый, приятный человек) в какой-либо сложной, удручающей обстановке [5, с. 516].

Развертывание значения фразеологизма достигается путем вычленения номинативной группы *луч света* и заменой части выражения *в темном царстве – в темноте*. Отсутствие традиционной структуры, замена компонентов ФЕ, их разъединение и инверсированный порядок способствуют созданию фразеологического образа в рамках целого фрагмента текста, что также вносит изменения в семантику фразеологизма в соответствии с требованиями всего произведения. Кроме того, в тексте повести можно выделить лексические единицы, которые находятся в парадигматических отношениях с компонентами данного контекстного фразеологизма, что говорит о его широком фразеологическом диапазоне:

«Я это называю **убежищем души**»;

«Откуда я знаю. **Тайна веков**»;

«Мы живы до тех пор, пока у нас есть **надежда**, – сказал Затворник»;

«Так вот, если считать, что всю жизнь тонешь – а так это и есть, – то **любовь** – это то, что **помогает** тебе удерживать голову над водой».

Эти философские рассуждения подкрепляются описанием реальных действий, которые необходимо совершить, чтобы «луч света» превратился в желанную реальность (пусть пока еще и не осознанную до конца).

Реализуемые фразеологизмом функции отражают протяженность фразеологического пространства. В приведенном примере ярко выражены когнитивная (приобретение новых знаний, необходимых для правильной интерпретации информации) и эпистемическая (закрепление во фразеологизме осознанных человеком представлений о действительности). Кроме того, реализуются номинативная функция («луч света» соотносится со словом «надежда»), образная (конкретно-наглядное явление), эмоционально-экспрессивная (отношение говорящего, его вера и благонадеяние), интенсификационная (достигается за счет расширения, замены компонентов и преобразования семантического плана ФЕ), прагматическая (имеет место воздействие как на собеседника, так и на читателя).

Сильная (в смысловом плане) позиция фразеологизма «*в темноте... луч света*» участвует в развертывании одной из главных идейных линий произведения. Текстобразующий потенциал данной единицы заключен во фразеологической семантике,

так как само выражение является средством информативности и связующим элементом отдельно взятых фрагментов текста. Идея, заключенная в приведенном контексте, прослеживается при анализе всей повести как при первом прочтении, так и более детально ретроспективно. Таким образом, текстовые функции фразеологизмов коррелируют с фразеологическим пространством.

В работах В. О. Пелевина нами были выявлены языковые фразеологизмы, то есть зафиксированные во фразеологических словарях, и единицы, которые в рамках данных произведений могут быть приравнены к фразеологизмам. Рассмотрим следующий пример.

«Грех – это избыточные вес. Греховна ваша плоть, ибо именно из-за нее вас поражают боги. Подумайте, что приближает ре... **Страшный Суп**? Да именно то, что вы обрастаете жиром. Ибо худые спасутся, а толстые нет. Истинно так: ни один костлявый и синий не будет ввергнут в пламя, а толстые и розовые будут там все. Но те, кто будет отныне и до Страшного Супа поститься, обретут вторую жизнь. Эй, Господи! А теперь встаньте и больше не грешите».

Выражение «*Страшный Суп*» приобретает свойства фразеологического оборота на основе созвучия с устойчивым выражением *Страшный Суд*, иначе называемый *Судный день* или *Божий суд*. Автор использует такой прием как аллюзия, то есть намек на общеизвестное выражение библейского происхождения. Божий суд состоит в том, что одних ожидает Рай, а других – Ад. Кто куда попадет – выбирают сами во время жизни на земле.

На протяжении всей повести автор использует синонимичные смысловые единицы: *решительный этап*, *Цех номер один*, *Страшный Суп*. Последнее выражение является наиболее весомым, точным и образным в идейном плане для содержания всего произведения. Одновременно в нем видится ирония, которая понятна читателю (но не героям произведения). Таким образом, в приведенном фрагменте текста коммуникативная и прагматическая направленность на читателя выходят на первый план.

Роль контекстного фразеологизма *Страшный Суп* реализуется в следующих функциях: номинативная (фразеологизм соотносится с пугающей ситуацией, с концом жизни), когнитивная (выражение стало для данного социума коллективным отражением их ми-

ровосприятія, основанном на опыте отдельных индивидов), эпистемическая (сохранение во фразеологизме определенного образа, созданного социумом), образная (за счет буквализации выражения создается реальный образ не только предмета, но и всей возможной ситуации), прагматическая (как средство устрашения или управления отдельными индивидами), интенсификационная (при произнесении этого словосочетания эмоциональное напряжение собеседников усиливается).

Выражение «*Страшный Суп*» является значимым в структурном и смысловом плане для целого текста, так как выступает в роли связующего средства отдельных фрагментов. Текстобразование на идейном уровне осуществляется за счет актуализации следующих компонентов значения фразеологической единицы: эмоционально-экспрессивный (выражает отношение говорящего к ситуации – страх); образный (создает связь между описываемыми событиями и реальным предметным образом), характеризующий (описывает преобразованное социумом восприятие). Наличие таких компонентов значения в контекстном фразеологизме говорит о его прагматическом характере и о значительной роли в создании эмоционального фона всего произведения.

Таким образом, можно сказать, что фразеологическое пространство выражения «*Страшный суп*», созданное на его основе, расширяется почти до размеров всего произведения с помощью следующих приемов: повторение ключевых слов, формирующих парадигматические связи, взаимобусловленность значения фразеологизма и реализуемых функций; актуализация не только языковых, но и контекстных компонентов значения.

В рассмотренных произведениях В. О. Пелевина ФЕ не многочисленны. Однако можно отметить такую тенденцию автора, как использование экспрессивных фразеологизмов, выражающих эмоции и отношение говорящего к предмету речи или к ситуации в целом.

«И не успел я приземлиться, смотрю – **мать честная!** Кузьма Ульянович прямо на это шоссе на посадку заходит» («Принц госплана»);

«От его крика кто-то в живой пирамиде потерял равновесие, она несколько раз покочнулась и развалилась – все попадали вниз, под основание стены, но никто, **слава Богу,** не пострадал» («Затворник и Шестипалый»).

Мать честная! – Прост. Экспрес. Восклициание, выражающее восторг, избыток

чувств: изумления, радости, испуга, т. п. в результате восприятия чего-либо неожиданного [3, с. 363].

Слава Богу – Разг. Экспрес. Очень хорошо, вполне благополучно [3, с. 623].

Еще одной отличительной чертой языка В. О. Пелевина является создание контекстных фразеологизмов на основе их языковых прототипов. Другими словами, автор часто прибегает к приемам трансформации, чтобы фразеологизм «вливался» в контекст естественным образом, например:

«**А май его знает,** – ответил, подумав, химик» («День бульдозериста»). Трансформированный фразеологизм создан на основе выражения *черт (его) знает* – Прост. Экспрес. 1. Совсем неизвестно, никто не знает. 2. Выражение возмущения, недоумения, восторга и т. п. [3, с. 745]. Такая замена способствует сохранению словарного значения, а сам фразеологизм не выделяется в тексте повествования.

То же можно сказать и о следующих контекстных фразеологизмах: «**Вот когда картинки всякие вспоминать начнешь – это и будет черная горячка. И потом, какого мира его помнить-то, детство?**» («День бульдозериста»).

В приведенном примере имеет место антонимичная замена компонентов языковых фразеологизмов *белая горячка* (алкогольный психоз) и *Какого черта?* (Грубо-прост. Зачем, с какой стати?) [3, с. 746]. Использование подобных изменений на протяжении всего повествования способствует его когерентности. Кроме того, такие выражения участвуют в создании сатирического тона всего рассказа.

Проведенное исследование показало, что фразеологические единицы всех структурно-семантических типов участвуют в процессе текстобразования. Одни приравниваются в структурно-семантическом плане к лексическим единицам и имеют фрагментарную значимость. Другие же создают фразеологическое пространство текста, выстраивая парадигматические отношения с ключевыми лексическими единицами, и реализуют свои текстообразующие свойства не только в языковых, но и контекстных компонентах значения. Кроме того, семантическая значимость фразеологизмов коррелирует с реализуемыми ими функциями.

Таким образом, анализ художественных произведений показал, что все фразеологические единицы обладают текстообразующим потенциалом, реализуемым в большей или меньшей степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев, В. П. Винни Пух и философия обыденного языка: Сборник / В. П. Руднев. – 2-е изд. – М. : Аграф, 2000. – 315, [2] с.
2. Генис, А. Феномен Пелевина [Электронный ресурс] / А. Генис. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>. – Дата доступа: 07.02.2019.
3. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд. – М. : Астрель, 2008. – 878 с.
4. Яблонская, О. Г. Фразеологические единицы с компонентом- зоонимом в структуре русских художественных текстов XX-XXI веков (компонентный и контекстный анализ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Г. Яблонская ; Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина. – Мозырь, 2018. – 182 с.
5. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

REFERENCES

1. Rudnev, V. P. Vinni Pukh i filosofiya obydenного yazyka : Sbornik / V. P. Rudnev. – 2-ye izd. – M. : Agraf, 2000. – 315, [2] s.
2. Genis, A. Fenomen Pelevina [Elektronnyy resurs] / A. Genis. – Rezhim dostupa: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>. – Data dostupa: 07.02.2019.
3. Fedorov, A. I. Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka : okolo 13000 frazeologicheskikh yedinitits / A. I. Fedorov. – 3-ye izd. – M. : Astrel, 2008. – 878 s.
4. Yablonskaya, O. G. Frazeologicheskiye yedinititsy s komponentom-zoonimom v strukture russkikh khudozhestvennykh tekstov XX–XXI vekov (komponentnyy i kontekstnyy analiz) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 / O. G. Yablonskaya ; Mozyr. gos. ped. un-t im. I. P. Shamyakina. – Mozyr, 2018. – 182 s.
5. Serov, V. Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy / V. Serov. – M. : Lokid Press, 2005. – 852 s.

РЕПОЗИТОРІЙ БДПУ